

Мархгейм М.В., д.ю.н., профессор,
зав. кафедрой конституционного и
муниципального права
Юридического института
НИУ «БелГУ»

Тонков Е.Е., д.ю.н., профессор,
директор Юридического института
НИУ «БелГУ»

Международные правозащитные стандарты: конкуренция аксиологии и целесообразности¹

Мировое сообщество, ведущее поиски оптимального механизма защиты прав и свобод человека, пришло к пониманию того, что стихийность данного процесса не способна обеспечить достижение желаемого результата. Исходя из ценностных гуманитарных постулатов, мы рассматриваем в качестве одного из инструментов выравнивания правозащитных ориентиров государств, международную стандартизацию в сфере прав человека. Она (как целесообразная деятельность) проявляется на универсальном и региональном уровнях в рамках функционирования межправительственных и неправительственных международных организаций.

Эффективное решение общих дел, связанных с защитой прав и свобод человека, в значительной мере зависит от взвешенности их концептуального правового моделирования в рамках траектории от всеобщего уважения прав человека² до признания человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности³ с учетом многообразных государственно-личностных черт национального, регионального, традиционного, культурного, иного свойства.

Одной из формул стандартизации является довольно распространенное и устойчивое выражение «общепризнанные права и свободы человека», которое используется и в научной литературе, и правовых актах, в частности, в ч. 1 ст. 55 Конституции России.

---

¹ Данная работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011.

² Устав ООН. Принят 26 июня 1945 г. // <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml>.

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом изменений от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета. – 2009. - 21 января.

На наш взгляд, такая формулировка недостаточно корректна, поскольку она, с одной стороны, искажает цели сотрудничества государств в сфере прав человека, а с другой, указывает на существование прав человека, не получивших признания на глобальном уровне. Предпочтительнее, на наш взгляд, применять оборот «международные стандарты в области прав человека».

В отечественной юридической науке понятийные интерпретации международных стандартов в области прав человека активизировались после вступления России в Совет Европы.

Под ними предлагалось понимать:

- «международно-правовые нормы, развивающие и конкретизирующие принцип уважения прав человека»⁴;
- «конкретные обязательства государств международно-правового характера»⁵;
- критерий оценки национального законодательства по правам человека⁶;
- условие интеграции государства в мировое (региональное) сообщество⁷ и др.

Каждая из приведенных трактовок отражает определенную грань рассматриваемого феномена, не давая целостного представления о нем.

Мы считаем, что международные стандарты в сфере прав человека следует рассматривать с системных позиций и определять их как систему минимальных императивных требований, адресованных государствам по поводу признания, соблюдения и защиты прав и свобод лиц, находящихся под их юрисдикцией, сформированную посредством межгосударственного сотрудничества в рамках универсальных и региональных международных организаций.

---

⁴Лаптев П.А. Международные стандарты в области прав человека. Классификация прав человека // Российское гуманитарное право / В.Н. Белоновский, Н.А. Ефремова, Н.И. Косякова и др.; под ред. Ю.А. Тихомирова (отв. ред.), Н.И. Архиповой, Н.И. Косяковой. – М.: ПРИОР, 1998. – С.288.

⁵Андриченко Л.В. Международно-правовая защита коренных народов // Журнал российского права. – 2001. – №5.

⁶Берестнев Ю. Российская правовая система и европейские стандарты // Российская юстиция. – 2001. – №1; Завадская Л. Право жалобы в Европейский Суд // Российская юстиция. – 1996. – №6.

⁷Ледях И. Новый Уголовный кодекс РФ и международные стандарты по правам человека // Российская юстиция. – 1997. – №1.

Данная система развивается не только на универсальном и региональном уровнях, взаимовлияющих друг на друга, но и в материальном (признание и соблюдение согласованного минимального каталога прав человека и основных свобод) и процессуальном (защита данного каталога в установленной форме и в согласованном порядке) измерениях.

Это позволяет утверждать, что международные стандарты защиты прав и свобод человека являются составной частью международных стандартов прав человека. Первые обуславливают меру должного поведения государства, его уполномоченных органов при осуществлении защиты прав и свобод лиц, находящихся под его юрисдикцией. Вытекая из норм международного права, они выступают фактором максимального использования национальных средств защиты прав человека.

Международные правозащитные стандарты объединяют принципиальные обязательства государств по защите прав человека, институциональное обеспечение этого процесса и находят отражение в международных актах универсального и регионального масштабов.

В итоговом документе Всемирной конференции по правам человека, состоявшейся двадцать лет назад в Вене, было отмечено, что международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием. Хотя значение национальной, религиозной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей необходимо иметь в виду, государства несут обязанность независимо от политических, экономических и культурных систем поощрять и защищать все права человека и основные свободы⁸.

Исходным импульсом формирования международных стандартов в сфере защиты прав человека выступает Всеобщая декларация прав человека 1948 г.⁹ Закрепленные в ней правозащитные положения

---

⁸См.: Doc. U.N.A. / Conf. 157 / DC1 / Add2, 1993.

⁹ Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1998. – 10 дек.

воспроизведены в международных пактах 1966 г.¹⁰, составляющих основу универсального вектора международных стандартов защиты прав человека.

Помимо универсальных стандартов защиты прав и свобод человека сложились и региональные. В части конкретизации механизма такой защиты они пошли дальше универсальных. Это в полной мере касается образцов правозащитной деятельности, принятых в рамках Совета Европы¹¹.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод¹², принятая менее чем через два года после Всеобщей декларации, внятно артикулировала, что посредством защиты и развития прав человека и основных свобод возможно достижение большего единства между членами Совета Европы.

Следовательно, защита прав человека рассматривается как стандартный критерий оценки единства государств, входящих в данную межправительственную организацию. Помимо этого, положения, содержащиеся в Разделе 1 Конвенции, названы обязательствами, принятыми на себя высокими договаривающимися сторонами по Конвенции и Протоколам к ней. Они в своей совокупности составляют основу правозащитных стандартов Совета Европы, которые, как известно, обеспечиваются Европейским судом по правам человека.

Своими интерпретациями ЕСПЧ подтверждает или трансформирует стандарты защиты прав человека, воздействуя на правовые системы государств-членов Совета Европы. Это дает основания для вывода, что стандарты Совета Европы не есть сложившийся правозащитный феномен. Более того, анализ решений Европейского Суда по правам человека позволяет констатировать, что данные стандарты претерпевают метаморфозы¹³ (по аналогичным

---

¹⁰ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Библиотечка Российской газеты. – 1999. – Вып. №22-23; Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 г. // Там же.

¹¹ Устав Совета Европы (Лондон, 5 мая 1949 г.) // СЗ РФ. – 1997. – №12. – Ст.1390.

¹² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с послед. изм. и доп.) // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=30222>.

¹³ См., например: Карапетян Л.М. Метаморфозы в решениях Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. - 2005. - № 7; Султанов А.Р. Метаморфозы в решениях Европейского суда по правам человека, или комментарий к делу Прониной против России // Арбитражный и гражданский процесс. - 2005. -

жалобам против России принимает разные решения) и грешат двойственностью¹⁴ (по схожим жалобам против государств-членов применяет к России более строгие критерии).

Тем не менее, как справедливо обращает внимание Б.С. Эбзеев, «решения Европейского суда по правам человека – это не «просто» правоприменительные акты, а источники права, оказывающие непосредственное, причем весьма существенное, влияние на правотворчество и правоприменительную практику России»¹⁵.

При этом Россия, прилежно исполняя все решения Европейского суда по жалобам против нее, сохраняет право дать им оценку. В частности, по словам Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, суд занял неверную позицию по делу Илашку против Молдавии и России, допустив в данном случае политизацию, двойные стандарты¹⁶.

Одновременно признано, что ряд постановлений ЕСПЧ (по делам «Бурдов против России» (выплачено 6 тыс. евро), «Калашников против России» (выплачено 5 тыс. евро) помогли российской судебной и в целом правовой реформе. Как известно, в федеральном бюджете Российской Федерации предусмотрена отдельная расходная статья на выплаты по решениям Европейского суда. Это можно интерпретировать двояко.

С одной стороны, обеспечиваются государственные гарантии защиты прав и свобод человека в силу действия ч. 1 ст. 45 и ч. 3 ст. 46 Конституции России.

С другой стороны, государство, признавая несовершенство своего правозащитного механизма, демонстрирует готовность исправно за это платить. Представляется более продуктивным государству совершать превентивные траты, направленные на устранение изъянов в сфере защиты прав человека.

№ 11; Султанов А.Р. Метаморфозы в решениях Европейского суда по правам человека – миф или реальность? // Международное публичное и частное право. - 2007. - № 2.

¹⁴ См.: Заявление Министерства юстиции Российской Федерации относительно постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе «Катан и другие против Молдавии и России» // <http://minjust.ru/ru/node/2565>.

¹⁵ Эбзеев Б.С. Прошлое, настоящее и будущее правосудия // Журнал российского права. - 2013. - № 1. - С. 128.

¹⁶ Интернет-конференция Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека Лаптева П.А. // <http://www.garant.ru/action/conference/10125/>.

Уместно напомнить, что вступлению России в Совет Европы предшествовало письмо Президента, Председателя Правительства и председателей палат Федерального Собрания Российской Федерации от 18 января 1995 г., в котором высказана уверенность в том, что вступление России в семью европейских демократий не только не повлечет за собой снижения высоких стандартов данной организации, но и поможет превратить их в общепринятые и общеприменяемые в масштабах всего континента.

Была отмечена также готовность России в полном объеме выполнять взятые на себя обязательства в соответствии со стандартами Совета Европы¹⁷. Ратифицировав Конвенцию и Протоколы к ней¹⁸, Россия на основании ст. 1 Конвенции приняла на себя обязательство обеспечить совместимость с названными актами ее законодательства, включившись в европейскую стандартизацию и таким образом.

При этом идеализировать ситуацию с качеством европейских стандартов в сфере защиты прав человека, полагаем, не следует, поскольку национальное законодательство может содержать более весомые правозащитные позиции. Например, в ч. 1 ст. 6 Конвенции предусматривается возможность ограничения гласности судебных заседаний при особых обстоятельствах, когда она нарушала бы интересы правосудия.

Такая формулировка оставляет широкие возможности для усмотрения судей. Действующее российское законодательство содержит более прогрессивное решение. Оно исходит из того, что ограничение гласности допустимо только в определенных случаях, исчерпывающе перечисленных в законе. Включение же формулировки, содержащейся в Конвенции, в юридический оборот на практике может привести к произвольным нежелательным ограничениям гласности судебных заседаний.

Требует акцента и формулировка презумпции невиновности, приведенная в ч. 2 ст. 6 Конвенции (аналогичная ч. 2 ст. 14

¹⁷См.: Обращение к Парламентской Ассамблее Совета Европы от 18 января 1995 г. // Права человека в России – международное измерение. – Вып.1. – М., 1995. – С.143-144.

¹⁸Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // <http://base.garant.ru/12111157/>.

Международного пакта о гражданских и политических правах). Она существенно расходится с формулировкой этого важного правового принципа, изложенного в ч. 1 ст. 49 Конституции России.

Так, в российском варианте требуются доказательства виновности в предусмотренном федеральным законом порядке и установление ее вступившим в законную силу приговором суда. В конвенционном тексте признается достаточным, если виновность будет доказана в соответствии с законом. Представляется, что в Конституции России презумпции невиновности в правозащитном смысле сформулирована более ёмко.

Может преуменьшить национальный правозащитный фон и ч. 5 ст. 5 Конвенции, согласно которой каждый ставший жертвой ареста или задержания в нарушение положений данной статьи имеет право на компенсацию. Значит, это правило допускает лишь компенсацию (обычно частичное денежное удовлетворение пострадавшего) и лишь при условии, что были нарушены положения данной статьи Конвенции, т.е. если арестованный или задержанный своевременно не были доставлены к судье или иному должностному лицу для проверки законности ареста или задержания.

Гражданский кодекс России предусматривает более широкие основания, а также возможность не компенсации, а полного возмещения вреда за счет казны. Значит, что попытка привести действующее российское законодательство в соответствие со стандартом ч. 5 ст. 5 Конвенции обернется нарушением ч. 2 ст. 55 Конституции России.

Изложенное дает основания утверждать, что безусловный учет стандартов Совета Европы по ряду позиций может умалить правозащитный ресурс российского законодательства. Безоговорочность в имплементации таких стандартов чревата появлением определенного ослабления национальной правозащитной системы, особенно с учетом сохраняющегося несовершенства в России судебного механизма, что признается на официальном уровне и отражается в научных дискуссиях.

На это, помимо прочего, указывает и немалое количество жалоб против России, обращенных к Европейскому суду по правам человека. При этом число жалоб против России, ожидающих своего рассмотрения, за 2012 г. было сокращено на 11 тыс., т.е. более чем

на четверть – с 40 до 29 тыс. За январь 2013 г. их количество уменьшилось еще более чем на тысячу¹⁹.

За последние 15 лет 78 тыс. жалоб против России были объявлены Европейским судом по правам человека неприемлемыми, а менее 2 тыс. жалоб против России завершилось признанием хотя бы одного нарушения положений Конвенции.

Помимо Конвенции о защите прав человека и основных свобод стандарты Совета Европы содержатся в Европейской социальной хартии²⁰, Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания²¹, Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств²² и др.

При этом стандарты Совета Европы являются составной частью европейских стандартов защиты прав и свобод человека. Под последними понимаются принятые Европейским сообществом и закрепленные в его документах принципы и нормы, которыми признаются, гарантируются и защищаются на практике права и свободы лиц, находящихся под юрисдикцией государств-участников.

Необходимо обозначить, что конвенционные нормы в области защиты прав человека основываются на концепции, согласно которой государственные институты должны выполнять свои функции в интересах отдельных людей, которые вправе пользоваться личной независимостью во всех случаях за исключением тех, когда речь идет о высших интересах общества²³.

О формировании стандартов защиты прав человека и основных свобод можно вести речь также в рамках Содружества Независимых Государств²⁴. Декларацией глав государств-участников СНГ о

---

¹⁹ <http://europeancourt.ru/>

²⁰ Европейская социальная хартия (в редакции 1996 г.) (Страсбург, 3 мая 1996 г.) // Европейская социальная хартия. – Сер. «Права человека». – №2. – М., 1998.

²¹ Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (Страсбург, 26 ноября 1987 г.) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: «Спарк», 1998.

²² Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 г.) // Российская юстиция. – 1997. – №5.

²³ См.: Вейтцель А. Выводы и замечания относительно прав человека, имеющие особое значение для демократического развития // Права человека – международное измерение: Сборник международных документов. Вып.1. – М., 1995. – С. 113.

²⁴ Устав Содружества Независимых Государств (Минск, 22 января 1993 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1994. – №1.

международных обязательствах в этой сфере²⁵ выражена готовность государств СНГ сотрудничать в области защиты прав и свобод человека. СНГ как региональная международная межправительственная организация, призванная обеспечить сотрудничество по самому широкому кругу вопросов, не проявляет последовательности в деле защиты прав человека. Доминирующая тенденция к дальнейшему политическому обособлению стран СНГ, на наш взгляд, препятствует развитию интеграционного правозащитного процесса на так называемом постсоветском пространстве.

По мнению Н.В. Витрука, права и свободы человека в данных странах не могут получить должную защиту в силу неурегулированности соответствующих отношений на уровне СНГ²⁶.

Вместе с тем, осторожная правозащитная стандартизация в рамках СНГ имеется. В частности, усилиями Межпарламентской ассамблеи принимаются рекомендательные или модельные законодательные акты, имеющие форму общих принципов, основных начал, примерных законов, модельных кодексов, основных положений и т.п. В их числе рекомендательный законодательный акт «О согласованных принципах регулирования гражданства», одобренный Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ (Санкт-Петербург, 29 декабря 1992 г.).

Закрепленные в нем принципы служат целям повышения уровня защиты прав человека в СНГ, облегчения контактов между людьми, установления и поддержания дружественных и добрососедских отношений со всеми государствами, которые готовы рассматривать их как основу своего внутреннего законодательства о гражданстве с учетом международных норм и стандартов.

В подобных случаях проявляется «стандартизация стандартов», что реально может приобрести качество двойных стандартов, которые, к сожалению, означают не удвоенную гарантированность, а избирательность в предпочтениях средств защиты нарушенных прав лица в зависимости от его государственной идентичности.

---

²⁵ Декларация глав государств-участников СНГ о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод от 24 сентября 1993 г. // Бюллетень международных договоров. – 1994. – №9. – С.8-9.

²⁶ См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. – М.: «ЮНИТИ», 1998. – С.18.

Необходимо отказаться от полемики идеологического характера и практики двойных стандартов, когда отношение к нарушениям прав человека определяется не серьезностью нарушений, а состоянием двусторонних межгосударственных отношений, т.е. политическими интересами.

Вместе с тем, следует учесть, что «процессы интеграции государств в мировое правовое пространство объективно предполагают необходимость, с одной стороны, более глубокой унификации различных моделей правосудия, с другой стороны, сохранения национальных особенностей правосудия, проверенных многолетней правоприменительной практикой»²⁷.

Таким образом, международные стандарты защиты прав и свобод человека являются результатом заинтересованного сотрудничества государств. Различаются универсальные и региональные правозащитные стандарты. Европейские стандарты включают в себя стандарты Совета Европы, на становление которых оказывает существенное влияние прецедентная практика Европейского суда по правам человека.

Международные стандарты в сфере защиты прав человека отражаются в обязательных и рекомендательных актах и не всегда отличаются лучшими, по сравнению с национальными актами, правозащитными свойствами. Если национальное законодательство содержит более совершенные правозащитные позиции, то государству при имплементации международных норм – правозащитных стандартов – целесообразно использовать оговорки.

Убеждены, что самый продуктивный путь достижения в стране состояния реальной, по самым высоким стандартам защищенности человека, его прав и свобод связан отнюдь не с деятельностью Европейского суда. Решение необходимо искать в национальном формате, путем развития и совершенствования конституционной правозащитной системы и структуры.

---

²⁷ Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. - С. 709.